

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Исторический факультет
Кафедра источниковедения истории России

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Сборник научных статей

Выпуск 3

Санкт-Петербург
2003

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Исторический факультет
Кафедра источниковедения истории России

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Сборник научных статей

Выпуск 3

Санкт-Петербург
2003

УДК 930.22
ББК 63.2(2)
И90

Историография и источниковедение отечественной истории:

Сборник научных статей (Вып. 3).-СПб: ОАО "ВНИИГ имени Б.Е.Веденеева",
2003. -442 с.

Под редакцией

доктора исторических наук, профессора С.Г. Кашенко

доктора исторических наук, профессора Н.И. Приймак

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН

Л.И.Бородкин (МГУ)

доктор исторических наук, профессор *А.С. Тургаев*

(Северо-Западная академия государственной службы)

Сборник включает научные статьи и сообщения преподавателей и выпускников кафедры источниковедения истории России исторического факультета Санкт-Петербургского университета, университетов Финляндии.

Для историков и читателей, интересующихся отечественной историей, вопросами истории Севера и Северо-Запада России.

ISBN 5-85529-106-5

© Издательство "ОАО "ВНИИГ имени Б.Е.Веденеева", 2003

© Коллектив авторов, 2003

**Опыт изучения помет Г. В. Плеханова на книгах,
использованных при работе над
“Историей русской общественной мысли”**

Пометы на книгах, наряду с планами, конспектами, выписками, библиографическими списками, относятся к подготовительным материалам, отражающим предварительную, обычно скрытую от читателя работу автора над будущим произведением. Характеризуя этап знакомства и изучения историографических источников, необходимых для его создания, пометы дают возможность проникнуть в творческую лабораторию автора. Розалия Марковна Плеханова вспоминала, что Г.В. Плеханов изучал книги “глубоко и долго, делал записи, резюме в своих тетрадах и записных книжках, подчеркивал места, на которые в работах своих обращал особое внимание, в книгах своей личной библиотеки делал записи на полях; обертки книг его личной библиотеки испещрены указаниями на страницы, на которых он должен остановить свое внимание при работе и почему”.¹

Пометы, в отличие от других видов источников, неразрывно связаны со своим “носителем” - книгой, чтение которой и определяет их появление. А такие следы чтения, как подчеркивания, отчеркивания и др. вне конкретного текста вообще не могут существовать. Смысл оставленной пометы становится ясным, когда выявлена ее внутренняя связь с соответствующим фрагментом текста книги. Поэтому первостепенной задачей для исследователя является установление четких границ относящегося к помете конкретного фрагмента книги. Интерпретация многих плехановских помет, в которых нашли отражение его первые, возникшие в момент чтения отклики, впечатления и оценки прочитанного, нередко вызывает серьезные трудности. Лаконичные по выражению, с особой системой условных обозначений, они изначально не предназначались автором для постороннего чтения. В заметках “для себя”, где не надо было раскрывать ход собственной мысли, Плеханов-читатель формулировал лишь заключительный итог своих размышлений над прочитанным, оставляя “в мыслях” весь механизм этого процесса (основания для аналогий, ассоциаций, сравнений). Поэтому другому лицу (исследователю) для выяснения смысла пометы необходимо реконструировать весь механизм восприятия Плехановым конкретного текста.

В то же время другие заметки на книгах отличаются предельной

“открытостью”, их смысл “лежит на поверхности”; иногда они несут даже отпечаток того эмоционального состояния, в котором Плеханов пребывал в момент чтения. Исключая возможность прочтения помет другим лицом, он совершенно откровенно записывал свои мысли по поводу прочитанного. Заключенные в пометах суждения, оценки, впечатления, нередко категоричные и резкие, являются уникальным материалом для изучения подлинных взглядов Плеханова. Очевидно, природа помет как источника, созданного автором исключительно “для себя”, по разному отражается на разных типах помет.

Сложную проблему представляет датировка помет, позволяющая установить время чтения, а значит - уточнить время работы Плеханова над конкретными произведениями или темой. Это особенно важно, когда прочитанная книга имела значение для формирования собственных идей Плеханова, и он неоднократно в разное время обращался к ее изучению. В качестве первого формального основания датировки выступает год издания книги, ранее которого она не могла быть и прочитана (при условии, что не было других изданий), и индивидуальные особенности экземпляра (штампы, дарственные и владельческие надписи и др.). Год издания особенно важен для датировки помет на книгах, появившихся в печати в последние несколько лет жизни Плеханова, поскольку этими несколькими годами и ограничивается возможное время их чтения. Что касается книг, изданных в XVIII - XIX веках, то они могли быть прочитаны Плехановым в любое время, поэтому год их выпуска не имеет принципиального значения для решения указанной задачи.

Второй, более существенный фактор основан на раскрытии связи помет с другими датированными источниками, прежде всего, произведениями Георгия Валентиновича и перепиской. Определив в тексте какого произведения и как использовалось имеющее пометы издание (простое упоминание, ссылка на него или всесторонний критический анализ), можно установить приблизительное время чтения. Обращение к переписке Плеханова, часть содержания которой составляют запросы о необходимых книгах и описание способов их получения, дает возможность определить время появления книги у Георгия Валентиновича, а значит - и время работы с ней.

Однако рассмотренный фактор оказывается неприемлемым, если издания, имеющие пометы, не нашли отражения ни в переписке, ни в тексте законченных произведений. В этих случаях приблизительно датировать чтение можно на основании содержательного и формального (с точки зрения внешнего оформления и способа организации в книге) анализа самих помет. Их содержание, упоминаемые фамилии, названия, термины дают некоторые

ориентиры. Кроме того, такие элементы формального анализа как почерк, образцы помет, способ их размещения в книге и др., изменяющиеся постепенно с течением времени, также обладают относительными датируемыми признаками.

Первые предварительные условия для изучения плехановских помет были созданы в ходе инвентаризации и каталогизации всех изданий личной библиотеки, к которым приступили сразу после основания Дома Плеханова его сотрудники. В инвентарных книгах фиксировался не только факт наличия помет в каждом издании, но и указывались соответствующие страницы. Тогда же, в 30-е годы, началось составление алфавитного каталога книг и периодических изданий, в который также была включена информация о наличии помет, правда без указания страниц.

Вскоре после войны сотрудник Дома Плеханова Елена Семеновна Коц занялась непосредственно расшифровкой заметок на книгах и составлением для каждого издания с пометами так называемых охранных вкладышей. Они представляли узкие полоски бумаги, на которые были переписаны с обозначением соответствующих страниц тексты заметок. “Началось с того, - писала Е.С. Коц в воспоминаниях, - что я переписала все заметки... Ведь большинство плехановских заметок было сделано карандашом, от времени многое уже стерлось, остальное могло исчезнуть через годы. Кроме того, часть заметок требовала расшифровки – иные трудно было прочесть, иные были написаны сокращенно, а часть варварски срезана при переплете. Наконец, Плеханов делал свои заметки часто не на полях, а на внутренней стороне обложки, очень густо, и не соблюдая последовательности страниц”.² (Е.С. Коц создала также предметно-тематический указатель к заметкам на книгах). Благодаря охранным вкладышам до нас дошли тексты уже утраченных в отдельных книгах заметок.³ Однако создание охранных вкладышей не решило в полном объеме задачи выявления и сохранения помет, поскольку оставался неучтенным большой массив нетекстовых следов чтения (различных значков, подчеркиваний и т.д.). Между тем они также частично были обрезаны в переплетенных заново изданиях и также подвергались процессу постепенного угасания карандаша.

В 1965 году в 4-х выпусках вышел составленный по тематическому принципу “Каталог библиотеки Г.В. Плеханова”. (Последний выпуск содержит указатели). В ходе подготовки каталога книги и периодические издания были рекаталогизированы и описаны “de visu”.⁴

Важным этапом в изучении помет стала их публикация, разработка принципов которой потребовала обращения к творческой лаборатории Плеханова и осмысления специфики этого нетрадиционного источника. При

подготовке публикации помет Плеханова на книгах прежде всего встал вопрос об объеме и характере воспроизведения самих помет и относящихся к ним фрагментов книжного текста. К настоящему времени в изданиях Дома Плеханова опубликованы пометы на 212 книгах. По объему и характеру воспроизведения материала эти издания условно можно объединить в 2 группы.

Первую группу составляют более полные публикации помет, подготовленные Е.С. Коц и А.С. Волиной в 3-х тематических сборниках “Литературное наследие Г.В. Плеханова” (далее – “Литературное наследие”)⁵ и 3-х тематических выпусках “Пометы Г.В. Плеханова на книгах его библиотеки” (далее – “Пометы Г.В. Плеханова”), первые два из которых вышли под редакцией И.Н. Курбатовой, а последний – под редакцией Т.И. Филимоновой.⁶

В сборниках “Литературное наследие” была напечатана часть помет на 76 книгах в составе разнообразных материалов (вариантов и редакций статей, рефератов, постраничных разборов и т.д.), отражающих разработку Георгием Валентиновичем определенной темы. Основные принципы этого издания сводились к следующему: публиковать только заметки на книгах, т.е. текстовые пометы, вместе с относящимися к ним фрагментами книги. В редких случаях, когда нетекстовые пометы (подчеркивания, значки и др.) имели, по мнению публикаторов, важное значение, печатали соответствующие фрагменты, даже при отсутствии текстовых замечаний Плеханова.⁷ При публикации учитывалось и месторасположение заметок в книге: заметки на полях печатались сбоку, заметки на обложке – с указанием этого факта внизу.

Другое издание “Пометы Г.В. Плеханова” построено, в основном, на тех же принципах. В общей сложности оно охватывает фрагменты из 139 книг со всеми относящимися к ним текстовыми пометами, за исключением помет редакционно-корректорского характера. (Пометы на 17 книгах из второго выпуска этого издания частично были опубликованы раньше в шестом сборнике “Литературного наследия”). В отличие от рассмотренного выше издания, фрагменты с одними только подчеркиваниями, значками и др. нетекстовыми пометами, при отсутствии текстовых замечаний, совершенно исключались. Были учтены (но в другой форме, по сравнению с “Литературным наследием”) особенности месторасположения помет: заметки на обложках печатались, как и заметки на полях, сбоку против соответствующей цитаты, но в отличие от последних, дополнялись еще указанием номера страницы.

Необходимо также обратить внимание на научно-справочный аппарат изданий этой группы, прежде всего, на примечания. Уже в сборниках

“Литературное наследие” наблюдалось стремление авторов не только прокомментировать упоминаемые в тексте заметки лица, события, факты и документы, но и раскрыть их смысловое содержание. В выпусках “Пометы Г.В. Плеханова” в примечания были включены характеристика особенностей экземпляра, археографическое описание помет, сведения об истории появления книги в библиотеке, вопрос о датировке помет. Отдельные примечания, написанные с привлечением других опубликованных и неопубликованных источников, представляли настоящие исследования. Тем не менее, в 1990 году с третьим выпуском издание прекратилось. Анализируя причины, редактор этого выпуска Т.И. Филимонова писала: “...вновь предпринятый палеографический анализ пометок Плеханова на книгах по истории России и зарубежных стран показал, что ранее выработанный принцип публикации - их постраничное воспроизведение рядом с соответствующим фрагментом произведения (без вынесенных Плехановым на титульные листы и форзацы помет по названной теме) – искажал не только логику содержательного анализа текста Плехановым, но и лишал возможности увидеть “конечный продукт” этой работы”.⁸ Она же поставила вопрос о новых принципах публикации, основанных на точном воспроизведении полного текста книги и структурированных на титульных листах и форзацах помет.

Вторую группу составляют сокращенные публикации помет на 14 книгах в третьем томе “Философско-литературного наследия Г.В. Плеханова” и тематическом сборнике “Первая марксистская организация России – группа “Освобождение труда”. 1883-1903.” (далее в тексте – “Первая марксистская организация”). Текстовые пометы в них (причем не все, а наиболее важные с точки зрения авторов) опубликованы без относящихся к ним фрагментов книжного текста, только с указанием номера страницы. Общий смысл фрагмента передавался в примечании. При таких принципах публикации вообще исчезало всякое представление о системе работы Плеханова с источниками.

В историографической литературе исследователи обратили внимание на пометы как на еще один источник изучения литературного наследия Георгия Валентиновича в конце 50-х годов. Сначала, в большинстве работ¹⁰ их использование носило эпизодический иллюстративный характер и не выходило за рамки цитирования нескольких заметок на одном или двух изданиях, связанных с анализом взглядов Плеханова по определенной теме.

Существенное место этому источнику отведено в трудах Б.А. Чагина, посвященных изучению философского наследия Плеханова, и литературоведческих работах П.А. Николаева и Н.А. Горбанева.¹¹ В приложении к своей монографии “Возникновение марксистского

литературоведения в России” П.А. Николаев даже опубликовал часть заметок с соответствующими фрагментами из 32 книг по истории литературы и критики. Особенность подхода к этому специфическому и нетрадиционному источнику у данных авторов заключалась в стремлении использовать анализ помет для исследования творческой лаборатории Плеханова. Важно подчеркнуть, что объектом рассмотрения становились не только заметки на книге, но и в ряде случаев нетекстовые следы чтения. Однако, несмотря на более широкое использование помет в названных работах, их анализ все же был сосредоточен в основном на содержании отдельных заметок на книгах, относящихся к теме исследования.

Принципиально иной подход к этому источнику продемонстрировал С.С. Ланда в статье “Г.В. Плеханов в работе над историей движения декабристов”.¹² Отличительной чертой его исследования является комплексное рассмотрение всех помет (в том числе и нетекстовых следов чтения) в системе с другими, относящимися к теме материалами Георгия Валентиновича (произведениями, заметками в тетрадях). Пытаясь выяснить внутреннюю смысловую связь пометы с соответствующим фрагментом, автор обратил внимание на особенности написания помет, приемы работы Плеханова с книгой. Характерно, что анализу пометы предшествовало полное, без купюр воспроизведение относящегося к ней фрагмента текста. В ряде случаев С.С. Ланда интерпретировал и нетекстовые следы чтения. Такой подход позволил ему проанализировать основные положения плехановской концепции декабризма и восстановить в общих чертах контуры ненаписанных глав о декабристах в его “Истории русской общественной мысли”. Существенным представляется также и сделанный вывод о знакомстве Георгия Валентиновича практически со всеми опубликованными в то время трудами по этой теме.

Заключая историографический обзор, необходимо подчеркнуть, что к изучению была привлечена лишь небольшая часть изданий с пометами, и их использование ограничилось в основном анализом содержания заметок. В то же время в отдельных исследованиях наблюдалось стремление авторов рассматривать пометы в контексте целостной системы приемов работы Плеханова с книгой. Такой подход, позволяющий выявить закономерности применения определенных приемов и раскрыть их назначение, представляется наиболее плодотворным. Перспективы изучения плехановских помет в этом направлении связаны с расширением круга соответствующих изданий.

Материалом для данной статьи послужили пометы Георгия Валентиновича на приблизительно 200 изданиях, использованных при написании “Истории русской общественной мысли”, фундаментального

3-х томного труда, оставшегося незавершенным. Книга создавалась Плехановым на протяжении 1909 – 1917 годов и составила целую эпоху в его творчестве.

Пометы на этих книгах являются частью огромного, отложившегося в Доме Плеханова комплекса источников (завершенные и незавершенные тексты, подготовительные материалы, переписка), относящихся к работе Георгия Валентиновича над книгой. Это дает уникальную возможность воссоздать в дальнейшем историю ее текста, а история текста памятника тесно связана, по словам Д.С. Лихачева, с мировоззрением, идеологией автора и в известной мере является историей его создателя.¹³

Другой аспект обусловлен незавершенностью плехановского труда, и с этой точки зрения пометы выступают одним из важных источников для реконструкции значительной части ненаписанных глав.

Избранный круг изданий с пометами представляется вполне исчерпывающим с точки зрения отражения системы работы Плеханова с историографическим источником. Тем не менее дополнительно, с целью сопоставления с пометами на книгах, прочитанных ранее, до начала создания “Истории русской общественной мысли.”, т.е. до 1909 года, было просмотрено еще порядка 200 изданий.

Анализ помет проводился на основе систематизации, которая позволила свести их многообразие к определенным типам, обратить внимание на разные формы организации помет в книге, выявить некоторые закономерности в работе Плеханова с книгой. В конечном счете это способствует более глубокому осмыслению связи помет (как части подготовительных материалов) с текстом завершенного произведения.

В основу систематизации были положены два признака: способ выражения, под которым подразумевается наличие или отсутствие в помете языкового выражения, и расположение помет в книге.

По первому признаку пометы распределяются на 2 большие группы: текстовые и “немые”, т.е. не имеющие языкового выражения. С некоторыми нюансами такую группировку можно считать общепринятой, что находит отражение в терминологии, употребляемой, правда, без точных определений в литературе. Термин “текстовые” уже давно получил “право на существование”. В обозначении других, нетекстовых помет (всевозможных отчеркиваний, подчеркиваний, значков “NB” (Nota bene – заметьте), “sic” (так!); ?; !), наблюдается некоторая запутанность и смешение терминов. Так, в “Каталоге библиотеки Г.В. Плеханова” эта группа помет фигурирует под названием “следы чтения (или читательские пометы)”,¹⁴ в предисловиях к двум первым выпускам “Помет Г.В. Плеханова” - “немые” знаки чтения (или “немые” пометки),¹⁵ во вступительной статье к третьему выпуску

употребляется уже термин “знаковые”.¹⁶ Термин “следы чтения” можно отнести, на наш взгляд, к любым пометам. Наиболее удачным представляется термин “немые” (по сравнению с другим - “знаковые”), поскольку более точно отражает существо принятого за основание данной группировки признака.

Дальнейшая, более подробная систематизация текстовых и “немых” помет с выделением типов, видов, подгрупп обусловлена стремлением выявить их особенности, понять характер связи с текстом. К решению этой задачи подходили, как мы увидим ниже, авторы публикаций плехановских помет.

По признаку расположения в книге пометы делятся на пристраничные и внестраничные.

Пристраничные пометы оставлены непосредственно на той странице, на которой находится относящийся к помете фрагмент текста. Поскольку задача его идентификации, как правило, решена внешним оформлением, раскрытие смысла пристраничной пометы сводится к выяснению ее внутренней связи с содержанием данного фрагмента. В качестве фрагмента может выступать как авторский текст, так и текст любой составной части научно-справочного аппарата книги (оглавление, предисловие, приложение, сноски, комментарии и др.).

Внестраничные пометы пространственно отделены от фрагментов книжного текста, связь с которым сохраняется благодаря указанию номера страницы, поэтому первостепенной задачей является установление границ относящихся к ним объектов (фрагментов) текста. Внестраничные пометы могут находиться на разных элементах книги: обложках, переднем и заднем переплетах (понятием переднего переплета обозначаем лист переднего форзаца, приклеенный к передней переплетной крышке; соответственно задний переплет – лист заднего форзаца, приклеенный к задней крышке), форзацах (этим понятием обозначаем свободные листы переднего и заднего форзацев), авантитуле, фронтисписе, титульном листе, свободном пространстве первой или последней страницы и др. Внестраничная форма организации помет дает комплексное представление о проделанной над книгой работе, ее объеме и характере. Выяснение смыслового содержания внестраничной пометы требует, помимо изучения ее связи с конкретным фрагментом, рассмотрения (с учетом особенностей пространственного расположения) всего комплекса помещенных вне текста заметок.

На признак расположения помет в книге обращали внимание многие исследователи, что нашло отражение, как указывалось выше, при публикациях помет в сборниках “Литературное наследие” и выпусках “Помет Г.В. Плеханова”. Авторы предисловий к изданиям “Помет

Г.В. Плеханова” не только констатировали факт различий в расположении помет, но и стремились объяснить его с точки зрения реконструкции плехановской системы приемов работы с книгой. Так, И.Н. Курбатова, отметив отдельные случаи, когда запись одной и той же мысли Плеханова повторялась на титульном листе, чистых листах в конце книги и на полях, считала, что они являются свидетельством неоднократного обращения Плеханова к книге.¹⁷

Авторы предисловия к 3-му выпуску Т.И. Филимонова и М.В. Конкин, разделив пометы по признаку их местонахождения в книге на две большие группы, ввели понятия постраничных помет (текстовые и знаковые пометы на страницах книги) и постраничного указателя на обложках.¹⁸ По содержанию данные понятия и предложенные выше понятия пристраничных и внестраничных помет совпадают. Но с терминологической точки зрения понятие “постраничного указателя” для обозначения помет, вынесенных за пределы соответствующего текста книги, представляется не вполне корректным, поскольку отражает скорее характер организации помет в книге, чем особенности их месторасположения. (Позже в 1998 году Т.И. Филимоновой были предложены вместо постраничного указателя другие термины: “комплекс” и “ряд”).¹⁹ Ниже мы вернемся к этим понятиям). Важно подчеркнуть, что вопрос о различии месторасположения помет в книге был поставлен данными авторами в связи с проблемой раскрытия особенностей творческой лаборатории Плеханова в целом. Наличие постраничных помет, ориентированных на выявление концепции читаемого автора, они объясняли первоначальным чтением, а возникновение постраничного указателя – этапом последующего отбора Плехановым материала для собственного исследования. Постраничный указатель позволял ему работать с книгой быстро и точно, помогал на любом этапе вернуться к источнику для сверки своих мыслей и цитирования.²⁰ Такая интерпретация назначения двух разных по месторасположению в книге помет, отражающая последовательность работы Плеханова, вполне возможна для отдельных изданий. Но признать ее исчерпывающей и подтвержденной анализом помет на всех привлеченных к исследованию книгах нельзя. В действительности проблема намного сложнее.

Обратимся к характеристике помет в системе группировки на текстовые и “немые”.

Текстовые пометы являются частью литературного наследия Георгия Валентиновича. Но поскольку их содержательная ценность далеко неоднозначна, целесообразно ввести их деление на два условных типа: простой и сложный. То же основание, но с другим обозначением групп можно увидеть у И.Н. Курбатовой, которая различала среди текстовых

помет, разных по характеру, констатирующие факт или мысль автора книги и выражающие отношение Георгия Валентиновича к той или иной мысли.²¹

К простому типу помет (в терминологии Ирины Николаевны – констатирующие пометы) относятся замечания, в которых воспроизведена изложенная в конкретном фрагменте основная мысль (тезис) автора книги. Например, оставленная в книге А.Н. Пыпина “Русское мASONство, XVIII и первая четверть XIX в.” (Пг., 1916) помета “Глубокое падение Новиков[ского] кружка”²² совпадает с формулировкой мысли А.Н. Пыпина на соответствующей странице книги.

Разновидностью простого типа являются даты отдельных событий (с обозначением числа, месяца и года, или месяца и года, или одного года), вынесенные, иногда с указанием события, из текста на поля книги. Такого рода пометы чаще всего встречаются в изданиях, содержащих обширный фактический материал и посвященных изучению хода исторических событий определенного периода времени. Например, на полях двух книг С.Ф. Платонова: “Лекции по русской истории” (СПб., 1909) и “Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв.” (СПб., 1910),²³ послуживших Георгию Валентиновичу важным историографическим источником для написания “Истории русской общественной мысли” и, в первую очередь, главы “Движение общественной мысли в эпоху Смуты”, насчитывается в общей сложности 33 пометы-даты. Наличие в книге большого количества такого рода помет обусловлено стремлением Плеханова составить наглядное представление о хронологии описываемых событий. В некоторых случаях пометы-даты на полях (обозначение года, главным образом) имели конкретизирующее значение, поскольку автор книги при описании событий одного года, во избежание постоянных повторений, иногда опускал во временных формулировках указание года. Чтобы установить, о каком годе идет речь в данном фрагменте и внести ясность в процесс собственного усвоения фактического материала, Георгий Валентинович вновь возвращался к предыдущему, уже прочитанному материалу. Именно такой уточняющий смысл имеет помета “26 авг. 1698 г.” в книге С.Ф. Платонова “Лекции по русской истории” (СПб., 1909. С. 459), сделанная к фрагменту: “На следующий день...” (Предыдущее предложение в тексте начинается словами: “25 августа 1698 года...”).²⁴

Сложный тип (в терминологии И.Н. Курбатовой – выражающие отношение Плеханова к прочитанному) составляют пометы, заключающие элементы осмысления и переработки Плехановым содержания книги. В зависимости от характера этих элементов пометы сложного типа условно можно разделить на следующие виды: оценки, суждения, обобщения, сравнительные, полемические и др. Большой частью они представлены на

книгах тех авторов, взгляды и идеи которых стали для Плеханова объектом критического анализа.

Особого внимания заслуживают в силу своих особенностей заслуживают сравнительные и полемические пометы.

Как правило, в сравнительных пометах Плеханова обозначен только один объект сравнения, представление о котором возникло у него в процессе чтения определенного фрагмента книги. Другой объект и основание намеченного сравнения, как очевидные для Плеханова элементы, непосредственно связанные с содержанием текста и логикой его собственной мысли, оставались “в уме” и не формулировались им. Для понимания смыслового содержания сравнительной пометы необходимо иметь представление о ходе мыслей самого Георгия Валентиновича, чтобы установить тот существенный признак, по которому он предполагал провести сравнение двух объектов. Проблема решается просто, когда в произведениях и подготовительных материалах Плеханова удается обнаружить реализацию, с соответствующими комментариями, намеченного сравнения. Например, смысл пометы “Ср. Пересветова”²⁵ в книге Н.П. Павлова-Сильванского “Очерки по русской истории XVIII-XIX вв.” (СПб., 1910. Т. 2. С. 65), относящейся к мнению И.Т. Посошкова о необходимости применения в судопроизводстве жестоких казней, становится ясным при обращении к тексту “Истории русской общественной мысли”, в которой намеченное сравнение нашло объяснение²⁶. А многочисленные сравнительные пометы в четвертом томе “Истории русской литературы” (СПб., 1907) А.Н. Пыпина, в которых фигурируют имена М.М. Хераскова, Н.М. Карамзина, И.Н. Болтина, Н.В. Гоголя, И.Т. Посошкова, Л.Н. Толстого, Н.Г. Чернышевского, П.Я. Чаадаева, Л.Н. Андреева, А. Мюссе, Ф. Ницше,²⁷ не получили развернутого обоснования в произведениях Георгия Валентиновича. Поэтому вопрос об определении существенного признака, положенного им в каждом конкретном случае в основание сравнения, решается на уровне исследовательских предположений.

Иногда в сравнительных пометах Плеханов обозначал и объекты, и основания сравнения, например, в следующем замечании, сделанном относительно оценки историком С.Ф. Платоновым московских порядков XVI – XVII вв. как демократических: “Ср. Довнар-Запольского и Платонова, о “демократизме” Москвы Ср. 401 и 395” (Платонов С.Ф. Лекции... С. 394)”.²⁸

Сравнительные пометы, призванные раскрыть элементы сходства и различия между разными системами взглядов, являлись для их автора

важным инструментом в познании закономерностей развития русской и западноевропейской общественной мысли.

Разновидностью сравнительных помет являются ассоциативные пометы (условное название), в которых нашли выражение наиболее актуальные для Плеханова в период чтения книги реалии литературной, политической и личной жизни. В отличие от сравнительных помет с характерным для них сокращенным обозначением “ср.”, они представляют обычно только наименование литературного или политического направления, или олицетворяющего его лица, написанного в дательном или, гораздо реже, именительном падеже, например: “эмпириомонистам” (Радищев. А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. СПб, 1905. ЛII, 154, 164), “Войтоловскому” (Посошков И.Т. Завещание отеческое. СПб., 1893. С. XLIX),²⁹ “Бернштейн” (Пометы Г.В. Плеханова. Вып.1. С. 19).

На ассоциативные пометы обратила внимание еще Е.С. Коц в небольшой статье, предворяющей публикацию заметок на книгах по искусству. (Эти пометы были ею охарактеризованы, но никак не названы). Она отметила, что публикуемыми заметками на книгах по искусству не исчерпывается весь материал. “Читая книгу по вопросу, не имеющему ровно никакого отношения к искусству, Г.В. Плеханов мог конечно занести на поля мысль, мелькнувшую у него в связи с чтением и имеющую прямое отношение к искусству, - точно так же, как на книгах по искусству мы нередко наталкиваемся на заметки о бернштейнианстве, об анархизме и т.д.”³⁰

По смыслу, определяемому содержанием конкретного текстового фрагмента, ассоциативные пометы можно разделить на 3 условные группы.

Первую составляют пометы, сделанные относительно изложенных в книге идей и концепций и имеющие практическое значение для литературной работы Плеханова. Большая их часть касается реальной, происходившей на страницах печати, полемики Георгия Валентиновича с представителями других направлений общественной мысли того времени. Вероятно, в свете конкретной литературной дискуссии Плеханов рассматривал содержание некоторых фрагментов читаемой книги как материал для аргументации против концепции своего противника. Этот смысл части ассоциативных помет становится особенно ясным в более пространственных формулировках: “Этого Туган-Барановский не замечает”,³¹ “Ответ Луначарскому”³², “Напомнить это Михайловскому”.³³ Многие из таких помет были использованы Плехановым в полемических работах и рецензиях, посвященных критическому разбору взглядов конкретного лица. Например, неоднократно встречающееся на страницах восьмого тома Сочинений А.И. Герцена замечание “Иванову-Разумнику”,³⁴ связано с работой Плеханова

над рецензией “Идеология мещанина нашего времени”, посвященной критическому разбору книги Р. Иванова-Разумника “История русской общественной мысли” (СПб., 1908).

Иной оттенок имеют ассоциативные пометы с именами представителей общественной мысли (или названием направления) ушедшего поколения. Элемент реальной полемики, о котором шла речь выше, отсутствует в их содержании. Например, пометы “Погодину”, “славянофилам”,³⁵ повторяющиеся не один раз на титульном листе книги С.Ф. Платонова “Лекции по русской истории” (СПб., 1909), следует рассматривать, на наш взгляд, как относящиеся не к конкретному лицу, а к названию статьи “М.П. Погодин и борьба классов” (1911), подготовительными материалами для которой был занят Плеханов в этот период.

Таким образом, наличие в книге ассоциативных помет является обычно свидетельством работы над конкретным произведением, что дает основание для определения приблизительного времени чтения.

Другая группа ассоциативных помет связана с субъективным восприятием Плеханова особенностей характера, поведения, мышления, взглядов обозначенного в помете лица, представление о котором формировалось или на основе анализа его литературно-общественной деятельности, или наблюдений при личном общении с ним. Такого рода пометы, как правило, не находили отражения ни в произведениях Плеханова, ни других подготовительных материалах, поскольку не имели практического значения для конкретной литературной работы, поэтому раскрытие их внутреннего смысла всегда будет носить гипотетический характер.

В формулировках и образах, содержащихся в отмеченных Георгием Валентиновичем фрагментах книги, он видел, вероятно, наиболее емкое и точное выражение существенной для указанного в помете лица черты, определяющей его в данный момент как личность или как общественного деятеля. Например, помета “Керенский” сделана Плехановым в книге К. Маркса “18 Брюмера Луи Бонапарта” (М., 1906) на следующей оценке автором Февральской революции 1848 года: “Как и всегда, слабость пряталась за веру в чудо. Слабость всегда думает, что, прокляв врага на словах, она уже поразила на смерть...”.³⁶ Наличие этой пометы дает основание довольно точно датировать одно из чтений книги 1917 годом. Адресованная сестре, Варваре Валентиновне Плехановой-Поздняковой, помета “Варе”,³⁷ относящаяся к рассуждению Д.И. Писарева о необходимости правильно оценивать свои отрицательные эмоции и сознательно управлять ими в созидательном направлении, связана,

очевидно, со сферой личных отношений и особенностями характера сестры Георгия Валентиновича. Раскрытие внутреннего смысла таких помет невозможно без привлечения переписки и воспоминаний, в которых отразились разные аспекты личности названного в помете лица (его взглядов, настроений, душевного склада, мировоззрения, взаимоотношений с Плехановым), а также суждения о нем Плеханова.

Среди таких ассоциативных помет необходимо обратить внимание на часто встречающиеся на страницах прочитанных в разное время книг (“Наши”, “Ленин” и др.). Например, помета “Наши” (т.е. русские социал-демократы) в книге П.Н. Сакулина “Из истории русского идеализма: Князь В.Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель”/ (М., 1913. Т. 1. Ч. 1.) сделана Плехановым к следующему фрагменту: “часть русской молодежи 20-х годов стала уже злоупотреблять любознательностью и легкомысленно думала, что достаточно усвоить общие принципы философии, чтобы, не изучая других наук, считать себя вполне образованным человеком, так как философия – де есть наука наук”.³⁸ По-видимому, Плеханов остановил внимание на формулировке, которую нашел удачной для характеристики особенностей менталитета русской социал-демократии.

Такие ассоциативные пометы, извлеченные из разных изданий вместе с соответствующими фрагментами, являются уникальным материалом для изучения истинных взглядов Плеханова.

В полемиических пометах, представляющих часто форму открытой дискуссии Георгия Валентиновича с авторами, наиболее отчетливо проявляются элементы критической переработки и осмысления им содержания прочитанных книг. Смысл полемиических замечаний, в отличие от кратких ассоциативных помет, содержание которых “зашифровано” и нередко даже недоступно из-за отсутствия источников, ясен и понятен. В них, как правило, в виде вопроса четко формулировались выявленные Плехановым в суждениях автора противоречия (или указывались несоответствующие действительности факты), ставившие, по его мнению, под сомнение изложенную в книге концепцию. Некоторые полемиические пометы, составленные из нескольких логически взаимосвязанных тезисов, могут быть достаточно большими по объему текста. Например, следующая заметка к заключительным строкам книги Н.П. Павлова-Сильванского “Феодализм в удельной Руси” (СПб., 1910) о тождестве основных начал строя удельной Руси и феодальной Европы: ““Основные начала” одинаковы везде. Весь вопрос в том, какие причины повели к различному сочетанию “основных начал”, а следовательно, к различному ходу развития того целого, по отношению к которому эти начала являются “основными””.³⁹ Такое

замечание на книге является тезисным выражением взгляда Плеханова на теорию общественного развития.

Связанные с критическим анализом идей автора книги полемические пометы, как правило, находят непосредственное отражение в произведениях Георгия Валентиновича. С этой точки зрения полемические пометы на книгах В.А. Келтуялы “Курс истории русской литературы” (СПб., 1906, 1911. Ч.1-2), В.О. Ключевского “Боярская дума древней Руси” (М., 1909), Н.П. Павлова-Сильванского “Феодализм в удельной Руси” (СПб., 1910)⁴⁰ можно рассматривать как своеобразные предварительные наброски, в которых намечены основные положения критического разбора их идей, осуществленного на страницах Введения (первой части “Истории русской общественной мысли”).⁴¹

Иногда общий тон полемического разбора на книге несет отпечаток эмоционального состояния Георгия Валентиновича, обусловленного негативным восприятием изложенных автором идей. Выразительным примером может служить книга Э. Бернштейна “Исторический материализм” (СПб., 1901), полемические замечания на которой отличаются особенной резкостью выражений и несвойственной Плеханову манерой обращения к автору-оппоненту на “ты” (“Понял. Еще б ты боле научился, когда б у петуха немного поучился”; “Черт знает что за чепуха. Именно ты путаешь капитал с капиталистами” и т.д.).⁴²

Эмоциональную сферу Георгия Валентиновича характеризует еще один вид текстовых помет, который, с некоторой долей условности, можно также отнести к сложному типу. Речь идет о самых кратких и лаконичных по объему текста эмоциональных пометах, сделанных в форме разнообразных междометий: “Гм! Гм!”, “Боже мой, Боже мой!”, “Ай-Ай”, “Боже!”, встречающихся неоднократно, например, на полях книги Т. Масарика “Философские и социологические основания марксизма. Этюды по социальному вопросу” (М., 1900).⁴³ В этих одно или двусложных восклицаниях Плеханова выражена на эмоциональном уровне его оценка, обычно отрицательная, в отношении изложенной автором книги точки зрения. Недоумение, скепсис, ирония, досада прочитываются в эмоциональных репликах Георгия Валентиновича.

“Немые” пометы являются неотъемлемым элементом творческой лаборатории Георгия Валентиновича и принадлежат к числу наиболее распространенных приемов, которые встречаются практически во всех книгах со следами его чтения. Как правило, “немые” пометы “сопровождают” текстовые замечания на полях книги, хотя в отдельных изданиях они представляют единственные следы чтения Плеханова.

По форме написания “немые” пометы можно разделить на две подгруппы: знаковые и графические.

Понятие “знак”, несмотря на его многозначность (текстовые и графические пометы тоже можно рассматривать как систему определенных знаков), отражает условный характер этого рода помет, способность посредством нескольких наглядных символов передавать определенное содержание. В основании графических помет (разного рода отчеркиваний (|; ||; #; >; () ; <; /; X) и подчеркиваний отдельных слов, предложений, дат) лежит линия. Знаковые пометы на страницах книги, как правило, сочетаются с графическими, посредством которых конкретизируется определенный объект текста. Например, поставленные на полях книжного текста значки “NB” или “sic” сопровождаются обычно разного рода отчеркиваниями; знаки ? или !, помимо отчеркивания, соотносятся еще с определенным подчеркнутым элементом текста.

По смыслу и назначению знаковые пометы условно можно подразделить на несколько подгрупп: пометы-значки (NB; sic; ?; !; !? и более редкие модификации: NB NB, NB², !!, !!!); корректорные и пометы справочного характера.

Пометы-значки, состоящие из письменных (или печатных) знаков ?; ! и собственно значков “NB”, “sic”, принадлежат к наиболее употребительным в работе Плеханова. Пометы-значки в условной, неязыковой форме, содержат некоторый элемент оценки, обобщения и переработки прочитанного материала, а значит выявляют, в определенной степени, и отношение Георгия Валентиновича к изложенным в книге фактам и идеям. Смысловое содержание перечисленных помет-значков в контексте творческой лаборатории Плеханова соответствует общепринятому условному их смыслу.

Корректорные пометы, призванные исправить замеченные в книжном тексте ошибки, опiski и др., основаны на системе условных обозначений, применяемых при правке корректурных оттисков. Они представляют собой двойной условный знак, представляемый Плехановым сначала в тексте на требующем исправления объекте (слово, буква, цифра, даже знак препинания), а потом воспроизводимый с соответствующей правкой на полях книги. Например, в 2-х томах уже упоминаемой книги В.А. Келтуялы “Курс истории русской литературы”, прочитанной с особым вниманием и обстоятельностью (на каждой второй странице имеются текстовые и “немые” пометы), насчитывается более 60 корректурных помет, относящихся, главным образом, к области орфографии и пунктуации. Примечательно, что в приложенных к обоим томам списках “Опечаток, недосмотров и пропусков” отражены лишь 18 из них. Гораздо реже

корректорные пометы Плеханова связаны с исправлением фактических ошибок, пропущенных или автором, или корректором.

Корректорные пометы, хотя и имеют исключительно техническое значение, тем не менее характеризуют стиль работы Плеханова, его в высшей степени уважительное, не допускающее небрежности отношение к тексту читаемой книги. По-видимому, не последнюю роль в этом сыграл его многолетний опыт редактора.

Пометы справочного характера позволяли их автору легко и быстро разбираться в проработанном содержании книги, отыскивать необходимый материал. Данную подгруппу составляют простые справочные пометы (номера страниц) и справочные сравнительные в форме характерной записи: “Ср [авни]...” (номер страницы) или реже “см[отри]...”.

Простые справочные пометы являлись для Плеханова сигналом наличия на указанной странице значимого материала.

Справочные сравнительные пометы нередко делались в форме перекрестных ссылок. Например, в третьем томе “Курса русской истории” В.О. Ключевского (М., 1908) на странице 110⁴⁴ справочной пометой “Ср.111” отмечены факты тяжелого экономического положения уездных дворян, маленькие поместья которых в XVII в. были населены скудно; соответственно на странице 111 сделана помета “Ср.110”, относящаяся к мысли автора о наличии среди уездных дворян большого количества безземельных, однодворцев и “пустопоместных”.

Несмотря на наличие характерного сокращения “ср.” (сравни), пометы этого рода существенно отличаются от рассмотренных выше текстовых сравнительных, отражающих процесс переработки Плехановым прочитанного материала и включения в собственные системы представлений. Как можно предположить из проведенных наблюдений, для Георгия Валентиновича справочные сравнительные пометы были способом начального, пока без формулировки темы, отбора однородного материала, что помогало разобраться во всех оттенках излагаемых в книге взглядов. Делая указание на сопоставление отдельных фрагментов на разных страницах, Плеханов выстраивал в один ряд материал, связанный с описанием однородных фактов или рассмотрением автором конкретного явления на разных стадиях развития.

Иногда справочные сравнительные пометы использовались, чтобы “держат в поле зрения” ход рассуждений автора, в особенности, когда речь шла о пространных объяснениях с характерными оборотами: “во-первых..., во-вторых..., в-третьих...”. Именно такой смысл имеют справочные пометы “См. 237, 240”, “ср. 233” и “ср.233 и 237”, оставленные в монографии А.Н. Пыпина “Русское масонство, XVIII и первая половина XIX в.” (Пг.,

1916)⁴⁵ на его заключениях о тroyаком свойстве (во-первых..., во-вторых..., в-третьих...) мистических изданий Н.И. Новикова.

Более высокую ступень первоначальной работы с источником, когда материал отбирается по определенной теме, сформулированной Плехановым, характеризуют справочные сравнительные пометы, соединенные с текстовыми. В таких комбинированных пометах основная идея, объединяющая отмеченный материал, концентрируется в текстовой помете. В качестве иллюстрации приведем помету “См. его покаяние. Ср. 105. NB NB” в книге А.Н. Радищева “Путешествие из Петербурга в Москву” (СПб., 1905) на странице 104⁴⁶. (В отмеченном на странице 105 отрывке содержится продолжение начатых на предыдущей странице рассуждений А.Н. Радищева о необходимости каждому человеку следовать принципам правды и добродетели, ни при каких обстоятельствах не отступая от них).

Графические пометы более, чем все другие типы помет, неразрывно связаны с текстом, без которого их наличие не имеет смысла. Выделяя из текстового пространства посредством графических помет конкретный фрагмент, автор акцентирует на нем свое внимание. Однако без авторского пояснения причины выделения в тексте именно этого фрагмента и именно таким образом остаются исследователю неясными, поскольку графические пометы, сами по себе, абсолютно нейтральны. В отличие от текстовых и, в меньшей степени, знаковых помет, они не содержат элементов оценки прочитанного материала и, тем более, собственной критической переработки его.

К числу наиболее распространенных графических помет, сопровождающих всегда работу Георгия Валентиновича над книгой, принадлежат вертикальные отчеркивания (одинарные, двойные, тройные) на полях. Реже встречаются подчеркивания в тексте отдельных предложений и словосочетаний, скобки (...), горизонтальные (нередко в сочетании с вертикальными) отчеркивания и крестообразные пометы (одинарные, двойные, тройные) на полях. (Число крестов, по-видимому, отражает степень значимости отмеченного материала). Как можно предположить, последние две пометы характерны для вариантов, когда необходимо выделить небольшой по объему текстовый фрагмент, например, отдельные выражения, факты или библиографические ссылки (Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1908. Ч. 3. С. 45, 107, 144, 145 и др.; Кулишер И.М. Лекции по истории экономического быта Западной Европы. СПб., 1913. С. 74, 99, 101-103, 105, 106 и др.).⁴⁷ Употребление круглых скобок для выделения определенного фрагмента на странице связано, в большинстве случаев, с намерением Плеханова включить данный фрагмент в качестве цитаты в свое сочинение. Такие пометы Плеханова, как отчеркивания на

полях и подчеркивания в тексте, относятся к типичным пометам читателя, работающего с книгой. Однако манера их написания (ярко, крупно, размашисто, с нажимом карандаша) позволяет в большинстве случаев отличать их от таких же помет других лиц и идентифицировать как следы чтения Георгия Валентиновича.

Таким образом, группировка помет на текстовые и “немые” позволила выявить многообразие их разновидностей, проанализировать их смысловое содержание в системе связи “помета – конкретный фрагмент книги”, раскрыть характерные особенности их использования в творческой лаборатории писателя.

Перейдем к характеристике рассмотренных выше типов и видов помет в системе другой группировки: пристраничные и внестраничные.

В форме пристраничных могут быть представлены текстовые и справочные сравнительные; корректурные, графические и, за небольшим исключением, пометы-значки всегда являются пристраничными. (Вне текста их “самостоятельное существование” невозможно).

Пристраничные пометы расположены, как правило, по боковому полю страницы, напротив тех фрагментов книги, к которым они относятся. Графические и корректурные часто внедрены в ткань самого текста (например, употребление круглых скобок, выделение требующих исправления объектов текста, подчеркивания в тексте отдельных слов, предложений), что отражает их существенную черту – неотделимость от относящегося к ним текста.

Размещение текстовой пристраничной пометы непосредственно в тексте соответствующего фрагмента (обычно в конце предложения, когда следующее начинается с красной строки) – достаточно редкий прием, применяемый Георгием Валентиновичем с целью внести какие-то новые оттенки в формулировку авторской мысли. Например, в монографии Н.П. Павлова-Сильванского “Феодализм в удельной Руси” (СПб., 1910. С. 78.) вывод автора: “На Белом озере в XV веке мирское самоуправление сохраняло вполне свое древнее значение главной опоры государственного порядка” завершался пометой Плеханова “и деспотизма”.⁴⁸

Пространные заметки Георгий Валентинович выносил на более широкое пространство нижнего или верхнего поля страницы, помечая их и соответствующий фрагмент текста условным значком х) или х)). На нижнем или верхнем поле страницы иногда размещалось одновременно 2-3 разные пометы, обозначенные, как и относящиеся к ним фрагменты книжного текста, соответственно двумя или тремя крестиками (Павлов-Сильванский. Н.П. Феодализм в древней Руси. СПб., 1907. С. 92, 57).⁴⁹

Разновидностью пристраничных заметок являются текстовые пометы

на закладках, вложенных Плехановым в книги (В.В. Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве. СПб., 1892. Между с. 150-151, 152-153, 169, 175 и др.; Бржеский Н.К. Круговая порука сельских обществ. СПб., 1896. С. 38; Кувшинская Е.А. Борьба рабочих за политическую свободу. СПб., 1907. С. 140, 155; Незеленов А.И. Николай Иванович Новиков, издатель журналов, 1769-1785. СПб., 1875. Между с. 62-63).⁵⁰ Помимо текста пометы, на закладках фиксировался, как правило, номер страницы, к которой относилась помета, например, “155- сила чартистов” (Кувшинская Е.А. Борьба рабочих за политическую свободу. СПб., 1907).⁵¹ Идентификация фрагмента в книге, несмотря на указание номера страницы, без дополнительных конкретизирующих помет в тексте нередко представляет сложности и остается на уровне исследовательского предположения. Кроме того, закладка, будучи “подвижным” носителем пометы, может выпасть из книги, может быть по ошибке переложена в другое издание, на другие страницы. В этих случаях вообще невозможно установить относящийся к помете фрагмент. Поэтому проблема достоверности при работе с пометами на закладках приобретает первостепенное значение. Для Георгия Валентиновича закладки, на которые выносились пометы, были, по-видимому, всегда типичной формой освоения материала в процессе чтения, но большая их часть, вероятно, была утрачена в дальнейшем.

Группа внестраничных помет состоит, главным образом, из справочных (простых и сравнительных) и текстовых. Обязательным элементом внестраничной пометы, расположенной, как уже отмечалось, вне текста, является указание номера той страницы, фрагмент на которой обратил на себя внимание Плеханова. Поэтому внестраничная помета представлена у него или одним только номером страницы, т.е. простой справочной пометой, или текстовой, но с указанием страницы, например, на форзаце: “798 – Русь трогалась с Востока на Запад” (Соловьев С.М. История России с древнейших времен. СПб., б.г. Кн.3).⁵² В некоторых изданиях в записи внестраничных текстовых помет имеются небольшие нюансы: например, номер страницы стоит после пометы (“шляхта и города – 80” (Кутшеба С. Очерк истории общественно-государственного строя Польши. СПб., 1907. Тит.),⁵³ или текст пометы взят в скобки (“427 (община)” Энгельман И.Е. История крепостного права в России. М., 1900. Тит.),⁵⁴ или текстовая помета в скобках записана в сокращенном варианте (“112- (дух[овенство]” (Шумигорский Е.С. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907. Форзац).⁵⁵

Внестраничными могут быть все проанализированные виды текстовых помет, но чаще всего в этом качестве выступают простые текстовые пометы и сложные, выражающие суждение или оценку

Плехановым прочитанного материала. Несколько реже встречаются сравнительные (в том числе ассоциативные) и полемические. Нетипичным, по-видимому, следует признать расположение за пределами страницы эмоциональных помет. На просмотренных изданиях зафиксирован всего один случай, когда на титульный лист книги Д.В. Философова “Слова и жизнь” (СПб., 1907) вынесена помета “34 – Гм!”⁵⁶ (в тексте графически отмечено предложение: “Сознательно или бессознательно все мы “гностики”, все стремимся к знанию религиозному, предъощущаем религиозное возрождение”).

Справочные сравнительные пометы выступают в качестве внестраничных в тех случаях, когда дополняют находящуюся рядом внестраничную текстовую помету, в которой сформулировано основание сопоставления фрагментов. Наличие смысловой существенной связи между текстовой и справочной сравнительной пометами иногда подтверждается их пространственным расположением. Так, поместив на обложке монографии С.В.Рожественского “Служилое землевладение в Московском государстве XVI века” (СПб., 1897) справочные пометы “ср. 114” и “ср. 116-117” под текстовой пометой “113 – развитие монастырского землевладения – перенесение на небо здешних экономич[еских] порядков”, Плеханов нарисовал характерные стрелки.⁵⁷ (В тексте на указанных страницах графически отмечены факты неудачных попыток правительства в XVI веке уничтожить право давать на поминование монастырям земельные вклады, заменив их денежными, и причины этого явления).

Использование помет-значков и графических помет вне страницы имеет вспомогательный, ограниченный характер. Большая редкость – вопросительный знак (?) в качестве самостоятельной внестраничной пометы, например, “72 ?” (на указанной странице подчеркнуто словосочетание: “ходячий уличный материализм”⁵⁸). Значок “NB” и некоторые графические приемы встречаются при отдельных текстовых и справочных пометах как дополнительное указание обратить на соответствующую страницу особое внимание. Например, помета на обложке книги Я.Л. Барскова “Переписка московских масонов XVIII-го века” (Пг. 1915): “NB 97 – Кутузов о Николае”)⁵⁹ или на авантитуле третьего тома “Курса русской истории” В.О. Ключевского: “260 – психология крестьян”.⁶⁰

Внестраничные пометы отличаются, как правило, лаконизмом и краткостью выражения основной мысли, хотя иногда встречаются и настоящие обобщающие заметки, например помета на обороте авантитула книги А.С. Лаппо-Данилевского “Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия” (СПб., 1899): “Купцам, с одной

стороны, нельзя было обойтись без крестьян, с другой, их стесняла крестьянская деятельность – см. 103”.⁶¹

Наличие внестраничной пометы, отделенной от соответствующего текстового фрагмента на указанной странице, ставит проблему их воссоединения, без чего невозможно раскрыть смысловое содержание пометы. Существенным моментом в решении этой задачи является изучение следов чтения Плеханова на указанной странице и анализ их соотношения с внестраничной пометой.

Представляется возможным свести все многообразие этих соотношений к трем основным типам.

Первый тип - внестраничная помета полностью дублирует пристраничную (речь идет, прежде всего, о текстовых пометах). Соответственно и вопрос об установлении относящегося к внестраничной помете фрагмента можно считать в этом случае окончательно решенным. Так, помета “Келтуяле” (Болтин И.Н. Примечания на историю древней и нынешней России г. Леклерка. Б.м. 1788. С. 111)⁶² напротив отмеченного графически фрагмента (“Чтоб русский народ был кочевным, о том история никаких следов нам не оставила. Если ж и был таковым, то не прежде, как за несколько сот лет до завоевания Киева Олегом. Писав историю, наобум говорить не дозволяется”) была без изменений включена в группу внестраничных помет на заднем форзаце книги (“111- Келтуяле”).

Однако гораздо чаще встречаются случаи, когда внестраничная помета текстуально несколько отличается от пристраничной. Например, к заключительным строкам главы “Вышний Волочок” из книги А.Н. Радищева “Путешествие из Петербурга в Москву” (СПб., 1905. С. 155)⁶³: “Сокрушите орудия его земледелия; сожгите его риги и овины, житницы, и развеите пепел по нивам, на них же совершалось его мучительство” Плехановым сделана многозначительная эмоциональная помета “Ого!”. В составе внестраничных помет на оборотной стороне листа с оглавлением к этому же фрагменту помета звучит несколько иначе: “Бунт”. По-видимому, как можно судить из наблюдений, при перенесении текстовой пометы со страницы во внестраничный контекст она получала более нейтральную и обобщенную формулировку, при этом свойственные пристраничным пометам полемическая заостренность, некоторая резкость и категоричность выражений снимались или сглаживались.

Второй тип, наиболее распространенный, когда на указанной странице имеются графические и знаковые пометы, дающие ориентиры для определения относящегося к внестраничной помете фрагмента. Например, помещенная на обложку книги Н. Ф. Дубровина “Пугачев и его сообщники” (СПб., 1884) внестраничная помета “367 – оппозиция

духовенства” несомненно соотносится с единственным отчеркнутым и отмеченным значком “NB” фрагментом: “Мера эта [взятие в солдаты части детей церковнослужителей – М.П.] вызвала большое неудовольствие со стороны белого духовенства и поставила его в некоторое оппозиционное положение по отношению к правительству”.⁶⁴ В этом случае и “немые” пометы “озвучиваются”, становится понятным смысл выделения именно этого фрагмента на странице.

Но при наличии на странице многочисленных следов чтения непросто определить соответствующий внестраничной помете фрагмент, особенно, если речь идет о простой справочной помете, т.е. одном только номере страницы. Например, в четвертом томе сочинения А.Н. Пыпина “История русской литературы” (СПб., 1907) на 160 странице,⁶⁵ номер которой обозначен среди других внестраничных помет на первой странице предисловия, имеется множество графических и знаковых помет. Следовательно и вопрос идентификации фрагмента не такой однозначный, как в предыдущем примере, и будет решаться на уровне более или менее вероятного предположения.

Третий тип представляют редкие случаи, когда на странице, указанной во внестраничной помете, отсутствуют вообще какие-либо следы чтения Плеханова, а, следовательно, и ориентиры для установления фрагмента. Например, в книге А.Н. Незеленова “Литературные направления в Екатерининскую эпоху” (СПб., 1889) на 84 странице нет ни одной пометы, а между тем этот номер “в сопровождении” значка “NB” вынесен в составе других помет на лист рекламных объявлений в конце издания.⁶⁶

Принципиальное значение в изучении внестраничных помет на книге имеет всесторонний анализ их пространственного расположения на листе для выявления взаимосвязей с другими близлежащими пометами. Если в пристраничной помете, как указывалось выше, выражена односторонняя связь с конкретным фрагментом текста, то внестраничная помета включена еще в контекст многосторонних связей с другими помещенными рядом пометами.

Внестраничные пометы могут быть представлены в систематизированном виде и в форме разрозненных единичных или множественных записей. (В большинстве изданий распространен комбинированный вариант, в котором сочетаются обе формы).

Разрозненная, бессистемная форма расположения внестраничных помет представляет нечто вроде отдельных заметок для памяти. В качестве примера приведем книгу И.Т. Посошкова “Завещание отеческое” (СПб., 1893), в верхнем углу заднего форзаца которой помещены две единственные текстовые ассоциативные пометы (“XLIX критикам Ропшина” и “158 -

П[отрес]у»).⁶⁷ Иллюстрацией бессистемного хаотичного размещения многочисленных внестраничных помет является передняя обложка книги И.Е. Энгельмана “История крепостного права в России” (М., 1900), на которой “рассыпаны” текстовые и справочные пометы.⁶⁸

Систематизированная форма организации внестраничных помет на листе, когда пометы сгруппированы в соответствии с определенным признаком, обусловлена необходимостью для автора решить конкретную практическую задачу. Выявить эту задачу – значит раскрыть функциональное назначение конкретной системы внестраничных помет. Распространяясь на организацию всех внестраничных помет в книге, систематизированная форма дает наглядное представление об объеме и характере проработанного материала, позволяет заключить, все ли содержание источника (сплошное чтение) или определенная его часть (выборочное чтение) были объектом изучения Плеханова.

Примером систематизированной формы, когда материалом послужила только часть книги, является сборник “Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели” (СПб., 1911).⁶⁹ Все внестраничные текстовые пометы, помещенные на внешней стороне задней обложки и оборотной чистой стороне последней страницы сборника, относятся только к статье Е. Тарасова “К истории масонства в России. Забытый розенкрейцер А.М. Кутузов”, послужившей Плеханову одним из историографических источников для написания 11-ой главы третьей части “Истории...”. Пометы, расположенные в столбик, в порядке следования страниц, образуют некое единство, комплекс, отличающийся единообразием оформления, почерка, что свидетельствует о последовательном за один раз прочтении всей статьи. Анализ соотношения внестраничных помет со следами чтения на соответствующих страницах в этом издании позволил сделать вывод, что преобладающим типом связи между ними является второй (“немые” пометы на страницах, текстовые – за их пределами). По-видимому, при чтении статьи Плеханов выделял посредством “немых” помет важный для него материал, помещая одновременно собственные, относящиеся к нему комментарии, в одном месте. Таким образом, текстовые пометы Георгия Валентиновича на этом издании можно рассматривать как постраничный справочный указатель к статье, где в форме отметок законспектирован значимый для собственной работы материал.

В издании Я.Л. Барскова “Переписка московских масонов XVIII века” (Пг., 1915),⁷⁰ также использованном Георгием Валентиновичем Плехановым при написании последних глав “Истории...”, большой по объему систематизированный указатель, находящийся на внешней стороне переднего форзаца и обеих сторонах заднего форзаца, охватывает

практически все содержание книги. Причем, особенно тщательно, как можно судить на основании подсчета внестраничных помет и анализа их пространственного расположения, прорабатывалось предисловие: около половины отметок относится к нему. Указатель, отражающий последовательное сплошное чтение, представляет комплекс текстовых и справочных (простых и сравнительных) помет (в отдельных случаях “сопровождающихся” значком “NB”), записанных последовательно в строчку через тире (-), в соответствии с порядком нумерации страниц в книге. Внестраничные пометы в этом издании также соотносятся с “немыми” следами чтения в тексте (второй тип связи). Но в отличие от предыдущего примера, в данном указателе можно наблюдать изменение формы почерка (размер букв, наклон, нажим, степень разборчивости), что свидетельствует о составлении его (в силу большого объема источника) не за один прием. Единством почерка, например, отмечены пометы на верхней половине каждого из трех листов, относящиеся к предисловию, которое было, по-видимому, сразу прочитано и законспектировано в виде отметок в указателе. В разобранных примерах проработанный материал источника систематизирован последовательно, в соответствии с нумерацией страниц в нем (постраничная систематизация).

Систематизированную форму представляет список одних только справочных простых помет, записанных в столбик под названием “Литература” на оборотной стороне последней страницы книги Т.О. Соколовской “Русское масонство и его значение в истории общественного движения” (СПб., б.г.) (на титульном листе имеется еще один комплекс внестраничных помет).⁷¹ (На каждой из указанных страниц “немыми” пометами выделены библиографические ссылки). В данном случае, несмотря на то, что номера страниц расставлены последовательно, основным признаком систематизации материала, который Плеханов сам и сформулировал, является тематический (“Литература”); пристраничная библиография в книге стала объектом его внимания.

В ряде изданий в состав постраничного указателя могут входить в качестве отметок отдельные тематические группы помет, составляющие в пространственном отношении некую целостность. В таких группах принцип последовательного расположения помет в соответствии с нумерацией страниц в книге оказывается нарушенным: пометы, относящиеся к последующим страницам, могут “вклиниваться” в ряд предыдущих или пометы к предыдущим страницам оказываются помещенными за последующими. Тематическая группировка, где тема сформулирована Плехановым или непосредственно в названии, или в текстовой помете, является способом отбора необходимого материала. Пространственное

расположение помет, характер их взаимосвязи в такой тематической группе имеют исключительное значение, поскольку отражают логику освоения Плехановым материала источника.

На роль тематической группировки помет, сделанной на обложках, титульных листах и др. самим Плехановым, обратила внимание Т.И. Филимонова, предложившая, как указывалось выше, ввести для ее обозначения термины плехановских “комплексов” и “рядов”. Она писала: они “являются подтверждением основных положений его собственной философской концепции исторического развития, представленной, в частности, во Введении к “Истории русской общественной мысли”, но и совпадают с более поздними положениями ряда современных философов”.⁷² По нашему мнению, так называемым “рядам” и “комплексам” (это лишь формы группировки материала) приписано неоправданно большое значение. В действительности группировка внестраничных помет была характерным для Плеханова способом освоения содержания источника, и ее смысл в каждом конкретном случае определяется той задачей, которую ставил перед собой Плеханов.

В качестве примера приведем находящуюся в составе постраничного указателя на форзаце книги С.М. Соловьева “История России...” (Кн. 3) группу простых справочных помет, записанных в строчку и объединенных первой текстовой пометой :

1079

“899 – В.В. Голицын – 926, 979 (титул) 1004

1050

1050”.⁷³

Справочными пометами “1079, 1004, 1050”, надписанными сверху цветным карандашом, Плеханов продолжил отбор материала по теме “Голицын”.

Гораздо чаще встречаются варианты систематизированной организации внестраничных помет без формулировки темы. Анализ расположения помет и элементов их внешнего оформления позволяют предположить наличие группы и входящие в нее элементы, но установить основание группировки и ее назначение удается далеко не всегда.

Приведем пример. На авантитуле третьего тома “Курса русской истории” (М., 1908) В.О. Ключевского⁷⁴ обращает на себя внимание размещенная справа на листе группа помет, отличающаяся единообразием написания:

“241- нынешняя психология дворян

ср. 267

243 - NB 251- 7 [помета срезана]

260 – психология крестьян

Характер расположения помет на листе дает основание говорить о них как единой группе, тем более, что все они относятся к содержанию одной главы, посвященной характеристике земских соборов XVII века и проблеме влияния на земское представительство крепостного права (Лекция L). В тексте на соответствующих страницах сделаны графические, знаковые пометы и на странице 260 текстовая “Так теперь в крестьянстве”, относящаяся к выводу В.О. Ключевского: “Очевидно, мысль о правомерном представительстве, о политических обеспечениях правомерности еще не зародилась ни в правительстве, ни в обществе”.

Данная система внестраничных помет связана, по-видимому, с предварительной разработкой Плехановым плана для заключительной части Введения, хотя в шестой главе “Истории...” (Кн. 1. Ч. 2.) у него имеется аналогичный сюжет о земских соборах, построенный с использованием фактического материала, оценок и выводов В.О. Ключевского.⁷⁵ Анализ приведенного комплекса помет в сочетании со следами чтения в тексте позволяет заключить, что предметом размышлений Плеханова стало рассмотрение психологии разных классов, проявившейся в их отношении к земскому представительству. Важно отметить новаторский подход Плеханова к разработке данной темы, стремление актуализировать сделанные на материале XVII века выводы, включить их в систему политических реалий начала XX века. Именно этот характерный момент получил отражение на последних страницах Введения, где Георгий Валентинович, рассуждая над причинами поражения революции 1905 – 1907 годов, анализирует психологию различных классов.⁷⁶ Таким образом, данный комплекс помет можно характеризовать не просто как форму отбора материала, но как своеобразный набросок плана.

Обобщая рассмотренные примеры систематизации внестраничных помет, можно сделать вывод, что при разнообразии отдельных комбинаций постраничная и тематическая формы в каждой конкретной книге подчинены определенной практической задаче (отбор фактического материала по теме, составление конспекта, разработка плана, знакомство с библиографией и т.д.), которую в процессе чтения решал Плеханов.

Таким образом, анализ плехановских помет на материале изданий, использованных при написании “Истории...”, дал возможность познакомиться с некоторыми элементами его системы работы с источниками, понять назначение некоторых форм организации помет. За рамками статьи, в виду ее ограниченных рамок, остался вопрос исследования взаимосвязи помет с другими подготовительными материалами.

В заключение необходимо подчеркнуть, что изложенные в данной статье наблюдения и выводы не претендуют на окончательность. Привлечение к исследованию других изданий с плехановскими пометами значительно расширит и внесет коррективы в наши представления об этом уникальном источнике.

¹ РНБ. АДП. Ф. 1094. (Плеханова Р.М.). Оп. 1. Д. 9. Л. 7об.

² Исторический архив. 1999. № 3. С. 94.

³ Например: РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 7 (Личная библиотека Г.В. Плеханова). В 4703. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Лейпциг, 1876. Охранный вкладыш. (Далее в ссылках на книги личной библиотеки первые параметры архивного хранения будут опущены и приведены только шифры).

⁴ Каталог библиотеки Г.В. Плеханова. Л., 1965. Вып. 1 С. XXII.

⁵ Литературное наследие Г.В. Плеханова. М., 1936. Сб.3. Искусство. С. 229-242; 318-386; М., 1938. Сб.6. Литература, критика и русская философия. С. 90-107; 149-159; 163; 167-174; 202-204; 224-228; 329-340, 377-387; М., 1939. Сб.7. Борьба с религией и богоискательством. С. 167-170; 174-180; 192-195; 199-214; 302-319.

⁶ Пометы Г.В. Плеханова на книгах его библиотеки. Л., 1983. Вып.1. Замечания и пометки на изданиях произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина; Л. 1984. Вып.2. Замечания и пометки на изданиях произведений русских революционных демократов; Л., 1990. Вып.3. Пометы на книгах по истории философии и общественной мысли России.

⁷ Литературное наследие. Сб. 3. С. 307.

⁸ Филомонова Т.И. Дом Плеханова: 1928-1998 // Исторический архив. 1998. № 2. С. 10.

⁹ Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. М., 1974. Т. 3. Проблемы истории философии, эстетики и общественной мысли. С. 75-80, 97, 103-105, 109-112, 114-115, 119; Первая марксистская организация России – группа “Освобождение труда”. М., 1984. С. 100-111.

¹⁰ Полянский Ф.Я. Плеханов и русская экономическая мысль. М., 1965. С. 239-240; Волк С.С. Г.В. Плеханов и начало марксистской эстетики и литературной критики в России: Вступ. ст. // Плеханов Г.В. История в слове. М., 1988. С. 19; Балуев Б.П. Либеральное народничество и Г.В. Плеханов // Революционеры и либералы России. М., 1990. С. 50-51, 61; Голербах Е.А. Деятельность московского религиозно-философского издательства “Путь” в оценке предреволюционной марксистской критики // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века: Сб. науч. тр. СПб., 2000. Вып. 10. С. 160.

¹¹ Чагин Б.А. 1) Борьба марксизма-ленинизма против философского ревизионизма в конце XIX – начале XX веков. Л., 1959. С. 113-114, 137; 2) Методологические аспекты критики немарксистской социологии Г.В. Плехановым и В.И. Лениным // Социологическая мысль в России. Л., 1978. С. 371- 375; 3) Разработка Г.В. Плехановым общесоциологической теории марксизма. Л., 1977. С. 24, 30, 42, 43, 46, 47 и др.; Николаев П.А. 1) Эстетика и литературные теории Г.В. Плеханова. М., 1968. С. 123, 202; 2) Возникновение марксистского литературоведения в России. М., 1970. С 35-37, 42, 45, 73, 104 и др.; Горбанев Н.А. 1) Из материалов архива Дома Плеханова: Г.В. Плеханов и В.Г. Белинский // Русская литература. 1971. № 2. С. 143-144; 2) Плеханов в литературной борьбе начала XX века. Махачкала, 1972. С. 13, 31, 54, 68, 72, 88 и др.; 3) Из истории русской марксистской критики. Махачкала, 1981. С. 19; 4) Г.В. Плеханов и Н.А. Добролюбов // В мире Добролюбова: Сб. ст. М., 1989. С. 376, 378.

¹² Исторические записки. 1975. Т. 96. С. 288-314.

¹³ Лыхачев Д.С. Текстология: На материалах русской литературы X –XVII вв. Л., 1983. С. 28.

- 14 Каталог личной библиотеки Г.В. Плеханова. Вып.1. С. XXXI.
- 15 Пометы Г.В. Плеханова. Вып. 1. С.4; Вып.2. С. VI.
- 16 Там же. Вып. 3. С. 6.
- 17 Там же. Вып. 2. С. VI.
- 18 Там же. Вып. 3. С. 7.
- 19 Филимонова Т.И. Дом Плеханова: 1928-1998. С. 10.
- 20 Пометы Г.В. Плеханова. Вып. 3. С. 7.
- 21 Там же. Вып. 2. С. V.
- 22 Там же. Вып. 3. С. 360.
- 23 В 4447; В 4420.
- 24 В 4447.
- 25 В 4446/2.
- 26 Плеханов Г.В. Соч. Т. 20. С. 155; Т. 21. С. 130.
- 27 Д 6195.
- 28 В 4447.
- 29 Д 63384; В 4429.
- 30 Литературное наследие. Сб. 3. С. 307.
- 31 Пометы Г.В. Плеханова. Вып. 1. С. 48, 49.
- 32 Там же. С. 307.
- 33 Там же. Вып. 2. С. 41.
- 34 Там же. С. 180, 183, 185.
- 35 В 4447.
- 36 Пометы Г.В. Плеханова. Вып. 1. С. 21.
- 37 Там же. Вып. 2. С. 222.
- 38 Там же. Вып. 3. С. 365.
- 39 В 4446/3. С. 420.
- 40 Д 6167/1-2; В 4398; В 4446/3.
- 41 Плеханов Г.В. Соч. Т. 20. С. 10-24, 38-44.
- 42 Первая марксистская организация. С. 103-106.
- 43 Там же. С. 100-101.
- 44 В 4381.
- 45 В 4459. С. 233, 237, 240.
- 46 Д 6338.
- 47 В 4381; А 1366.
- 48 В 4446/3. С. 78.
- 49 В 4476.
- 50 А 1254; А 1238; А 1357; Д 6185.
- 51 А 1357.
- 52 В 4740/3.
- 53 В 4384.
- 54 В 4358.
- 55 В 4355.
- 56 Д 6220.
- 57 В 4466.
- 58 Там же.
- 59 В 4302.
- 60 В 4381/3.
- 61 В 4378.
- 62 В 4315/2.
- 63 Д 6338.

Содержание

1 Источниковедение, вспомогательные и специальные исторические дисциплины, методы исследования 3

Л. В. Завьялова, Н. И. Приймак

Петербург конца 1850-х гг. глазами иностранцев: сравнительный анализ мемуаров А. Дюма и Т. Готье 3

И.М. Захарова

К вопросу о деятельности Олонецкого губернского статистического комитета в 1834 - 1860 гг. 33

А.В. Квятковский

Некоторые вопросы управления Исаакиевским кафедральным собором в Санкт-Петербурге по документам РГИА 52

М.В. Корогодина

Исповедь в старообрядческой рукописной традиции XIX в. 58

Е.В. Костригина

Международный семинар «Население Карелии и карельская семья» (24 -26 сентября 2003 г. Университет Joensuu. Финляндия). 78

О.Э. Летенкова

Ян Хови – первый хирург российского флота. Материалы к биографии 89

А.Н. Лобин

Документы Пушкинского приказа как исторический источник 105

М.А. Марусенко

Атрибуция анонимных и псевдоанонимных текстов как типичная задача распознавания образов 116

В.В. Мусин

ВАЛААМСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ВАЛААМСКОГО СТАВРОПИГАЛЬНОГО МОНАСТЫРЯ 136

К.Б. Назаренко

Русская публицистика о военно-морском флоте в 1905-1914 гг.: “Какой флот нужен России?” 156

Матти Полла

К характеристике карельской крестьянской семьи XIX в. 168

М. В. Пронина	
Опыт изучения помет Г. В. Плеханова на книгах, использованных при работе над “Историей русской общественной мысли”	191
Н.Г.Розулин	
Военные сочинения Ф.И.Дмитриева-Мамонова как источник по истории русской военной мысли второй половины XVIII в.	221
Хелена Руотсала	
Об изменениях в системе хозяйства сельского населения Кольского полуострова в XIX–XX веках	252
А.В. Сиренов	
О предполагаемом авторе Трегубовской Степенной	267
Г. Ф. Соловьева	
Материалы архива Святейшего Синода как источник по истории лютеранских приходов Северо-Запада России 20-х – 30-х гг. XVIII в.	274
Хямюнен Тапио, Партанен Юкка	
Источники, используемые в исследованиях истории семьи Финской Карелии и проблемы, вытекающие из их критической оценки	286
Ю.Г. Шикалов	
О метрических книгах карельских приходов Кемского уезда во второй половине XIX - начале XX в., а также о священниках, их составлявших	312
Е. И. Юркевич	
Гатчинские войска великого князя Павла Петровича: К вопросу о предпосылках создания	332
2 Историография	344
К.О. Валегина	
Отечественная историография реформы 19 февраля 1861 г. в Ярославской губернии	344
С.Г. Кащенко	
Реформа 19 февраля 1861 г. на Севере России в работах Л.В.Беловинского. Новые методы исследования в 1970-х гг.	350
Л.К. Рябова	
К вопросу о становлении и развитии понятия “русская идея” в сочинениях отечественных мыслителей XIX века	357

**3 Работы студентов кафедры источниковедения
истории России исторического факультета Санкт-
Петербургского государственного университета 375**

О.В. Буть

Губернаторский годовой отчет как источник по истории
старообрядчества в Олонецкой губернии
в конце XIX – начале XX вв. I 375

А. В. Кожина

Мемуары Бенжамина Тизделя в отечественной историографии 380

И.П. Панькова

Материалы о Санкт-Петербурге и Петре I
на страницах “Владимирских губернских ведомостей” (1838 - 1900) 389

И.В. Петровский

Чиновничество городских присутственных мест Вологды в
середине XIX в. (по формулярным спискам) 398

А. А. Салий

Особенности реализации реформы 1861 г. в Грязовецком уезде
Вологодской губернии 415

А. В. Стрельников

К истории знамен лейб-гвардии Финского стрелкового батальона 432